
Н. А. МИЦЮК

**ИСТОРИЯ МАТЕРИНСТВА
(*MOTHERHOOD STUDIES*) В РОССИИ
НА СТРАНИЦАХ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ***

Впервые история материнства в России была исследована американскими учеными. Выделение motherhood studies проходило параллельно в двух направлениях: гендерной истории и истории семьи. Всплеск интереса американской русистики к проблеме материнства наблюдался в 1980-е годы. С 1990-х годов, с возросшей доступностью источников «устной истории», интерес сосредоточился на изучении советского материнства. По мнению автора, существенными недостатками работ по материнству дореволюционного периода остается скудность вовлечения в научный оборот новых эмпирических материалов, а также необоснованная абсолютизация выводов.

Ключевые слова: материнство, русистика, родительство, гендер, депривация, сексуальная культура.

У истоков изучения истории материнства в России стояли американские и западноевропейские исследователи. «Советский эксперимент» в сфере семейных отношений вызывал живой интерес у американских социологов, этнографов, историков. Уже в 1930-е и 1940-е годы они опубликовали первые работы (Field 1932; Halle, Green 1933; Matthews 1949), в которых была представлена схематичная репрезентация социальной политики советской России в данной области. Первые публикации по антропологии российского материнства появились в 1970-х годах, когда на Западе зарождались *motherhood studies* (Пушкарева 1999; 2000). Тогда еще данные вопросы не вписывались в утвержденные подходы советской историографии. Исключение составляли этнографические работы, в которых тематика родительских отношений традиционно находила отражение прежде всего в народной среде (материнство как таковое не являлось целью изучения этнографов, их интересовали тра-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект №14-31-01217.

диционные практики, связанные с родовспоможением, уходом за младенцами и пр.) (Пушкарева 2001). В условиях методологического кризиса постсоветской исторической науки западные ученые продолжили всесторонне раскрывать образ российских матерей, включать их в мировую социальную историю.

Начало изучения *motherhood studies* в России можно датировать 1976 годом, когда по инициативе Д. Рэнсела (впоследствии профессора Индианского университета) в университете Иллинойс (США) была организована конференция, впервые посвященная таким проблемам социальной истории России, как трансформация институтов семьи, материнства, родительства, детства (Hellie 1980). В работе конференции приняли участие молодые ученые, ставшие впоследствии видными русистами. Два года спустя по результатам конференции был опубликован научный сборник «Семья в императорской России: новые направления исторических исследований», редактором которого был Рэнсел (Ransel 1978). В большинстве статей впервые раскрывались проблемы материнства, родительства, семьи в истории России XIX века.

Именно этот временной отрезок вызвал первоначальный интерес у русистов, видимо, в связи с доступностью исторических документов эпохи. Многие источники личного происхождения (мемуары, дневники), законодательные акты Российской империи, отражающие проблемы социальной истории, были переведены на английский язык или вообще впервые изданы за границей.

В ранних работах Рэнсел рассматривал особенности практик деторождения россиянок, ухода за младенцами и воспитания детей в крестьянских и дворянских семьях XIX века (*Ibid.*: 189–217). В сборнике были опубликованы статьи о государственных формах поддержки материнства и младенчества в России, причинах высокой младенческой смертности и тяжести детских заболеваний (Н. Фрайден); о родильной культуре и развитии акушерских знаний; о детях-беспризорниках («заброшенных детях») (С. Рамер). Р. Джонсон, характеризуя матримониальное поведение русского крестьянства в 1880–1900 годы, выделил следующие черты: повышение брачного возраста, рост незаконных рождений, вызванных миграцией в города, рост абортивных практик среди городского населения. Эти же выводы были обнародованы советскими демографами (Вишневыский 1977: 230–246). Если интерес русистов привлекали преимущественно матери из беднейших слоев общества, то Дж. Товров впервые обратила внимание на матерей из дворян-

ской среды. В сборнике представлена ее статья о характере взаимоотношений матерей и дочерей в дворянских семьях (Ransel 1978: 15–43).

В это же время русисты обратились к изучению гендерной истории России. В 1977 году коллективом авторов (в основном американцев) был опубликован труд «Женщины в России» (Atkinson 1977). Исключительной по своей постановке стала статья М. Розенан, посвященная анализу женских (в том числе материнских) и мужских образов в сознании ребенка. Новаторский подход состоял в том, что автор опирался преимущественно на детские «устные истории», а также результаты анкет и опросов. Существовавший в России официальный культ материнства оказывал, по мнению автора, значительное влияние на восприятие ребенком матери и отца (*Ibid.*: 293–307). Д. Аткинсон, исследовав характер трансформации сексуальной культуры в России, отметила существенные изменения в репродуктивном поведении россиянок и их зависимость от социально-политических и экономических процессов (*Ibid.*: 26–34).

Конференция, проведенная по инициативе Рэнсела, и опубликованный по ее материалам научный сборник стали для американских исследователей отправной точкой в собственных научных изысканиях по проблемам истории семьи, материнства и детства в России. Впервые обратившись к материнской теме в 1970-е годы, Рэнсел верен ей до настоящего времени. В 1988 году он опубликовал работу, ставшую впоследствии классической и имевшую несколько переизданий, – «Матери нищеты. Социальное сиротство в России» (Ransel 1988). К сожалению, книга до сих пор не издана на русском языке. Объектом пристального изучения автора стали матери из низших сословий. Он открыл богатые традиции благотворительности в императорской России, освещая деятельность воспитательных домов. Рэнсел исследовал такие важные социальные проблемы, как рост числа незаконнорожденных детей, высокая детская (особенно младенческая) смертность и большое число детоубийств. Пытаясь ответить на вопрос, что толкало матерей на противоправное и аморальное поведение в отношении собственных детей, автор опирался на доступные ему исторические источники: законодательные акты, медицинские отчеты, педагогические работы современников.

В 1990 году Рэнсел опубликовал небольшую статью «Материнство, медицина и младенческая смертность: некоторые сравнения»

(Ransel 1990), где рассматривал историю материнства в России в контексте трансформации медицинских знаний (акушерских и педиатрических) и их влияние на выживаемость детей. Открытие «железного занавеса» дало возможность продолжить изучение истории российского и советского материнства. Впоследствии американский историк с позиции исторической этнографии исследовал особенности быта сельских матерей. В 1990-х годах он организовал «исследовательское бюро» по изучению материнства в среде деревенских женщин Поволжья. Рэнсел непосредственно участвовал в этнографических экспедициях, проживая месяцами в российских деревнях, проводил устные интервью с селянками, наблюдал за их поведением. Результаты научных поисков, воплотившихся в монографиях (Ransel 1993; 2000), реконструировали этнографию материнства и детства в России с конца XIX века до 1960-х годов. Основу его последней работы составили более 100 устных свидетельств респонденток, повествующих о своих практиках материнства. Исследуя три поколения крестьянок (колхозниц), Рэнсел показал, как под влиянием общественно-политических условий и тягот крестьянско-колхозного быта утверждалась идеология регулирования деторождения, которая предполагала широкое распространение многократных абортных практик в жизни крестьянок. Он описывал тяжесть крестьянского, а затем и колхозного быта женщин, продолжавших исполнять свое материнское предназначение.

Дж. Товров в 1987 году опубликовала работу, посвященную трансформации дворянских семей в доиндустриальной России (Товров 1987). Если отечественные историки российского дворянства писали исключительно о мужчинах данного сословия, то американская исследовательница, поставив в центр изучения историю семьи, впервые обратила внимание на дворянских женщин. Товров широко использовала гендерно-чувствительные методы и методы психоанализа. Особое внимание она уделила изучению того, как российская модернизация отразилась на взаимоотношениях матерей и детей дворянского происхождения. В качестве основного источника Товров выбрала женские дневники, письма екатерининской эпохи (в основном опубликованные), что позволило ей раскрыть всю гамму эмоциональных переживаний матерей.

В 1980-е годы русисты стали активно изучать повседневные реалии женщин-работниц, крестьянок и колхозниц (Evans 1981; Glickman 1984; Waters 1985). Материнство рассматривалось ими в контексте истории семьи, сексуальности, женских прав и влияния

этакратических порядков на образ жизни женщин. Положение матерей-работниц анализировалось сквозь призму законодательной политики, регламентирующей их трудовую деятельность. Исследователей интересовали не столько эмоциональные переживания матерей из низшего сословия, сколько характер государственной политики в отношении их.

Русисты стремились увязать историю материнства в России с борьбой женщин за свои права и в целом – с развитием феминистического движения. Известный американский историк Р. Стайтс, крупный специалист по русскому феминизму, в работе, опубликованной в 1978 году (Stites 1978), впервые сделал вывод о том, что вопросы семьи, брака мало интересовали феминисток, они были в первую очередь озабочены политическими вопросами, проблемами женской свободы, женских прав и женского образования (Стайтс 2004: 102, 354). Автор не обошел вниманием тот факт, что поведение самих феминисток подрывало устои традиционной семейной жизни.

Оригинальный аспект в материнской теме выбрала профессор университета Колорадо, известная исследовательница женской истории в России Б. Энджел. В работе «Матери и дочери. Интеллигентные женщины России девятнадцатого века» (Engel 1983) она пыталась ответить на вопрос: что побудило огромное количество интеллигентных женщин России XIX века (гораздо большее, чем на Западе) восстать против традиционных семейных ролей (одна из глав книги носит емкое название – «Дочери против родителей») и как частное в конечном итоге превратилось в политическое (*Ibid.*: VII). Предметом ее исследования стал не столько феномен материнства в России, сколько причины отказа от него, повлекшие за собой освоение иных социальных ролей «дочерями» новой эпохи, которые поставили под сомнение старый гендерный порядок. Энджел убеждена в том, что российские феминистки были более радикальны по отношению к материнству (полностью его отрицали), нежели их западные «сестры» (*Ibid.*: 7). Она, основываясь на опубликованных воспоминаниях, дневниках деятельниц русского феминизма (С. Ковалевской, Е. Водовозовой, В. Фигнер, В. Засулич, Н. Сусловой и др.), стремилась понять, что заставляло обеспеченных молодых девушек бросать собственные семьи ради призрачных целей революционного движения. По сути, исследуя эмоционально-чувственные причины «феминизации» россиянок, она уделила особое внимание взаимоотношениям между традиционн

настроенными матерями и эмансипированными, «нигилизированными» дочерьми. По ее мнению, главная причина столь острого конфликта поколений заключалась в отсутствии эмоциональной привязанности между матерями-дворянками и их дочерьми, которые в условиях революционной России с легкостью покидали родителей. Энджел отметила амбивалентность материнства в России. С одной стороны, материнство было важнейшей социальной ролью для женщин высших сословий, с другой – в отличие от европейских и американских женщин среднего класса, дети не составляли «центрального фокуса» в жизни россиянок.

Анализируя жизни десятков россиянок, американская исследовательница широко применяла биографический метод. Сквозь личные истории она раскрыла историю целого поколения. Кроме того, при анализе мотивов поведения женщин автор широко использовала психологические методы. Учитывая характер источников (принадлежавших феминистски настроенным россиянкам), она игнорировала факт распространения «сознательного материнства» в России. Книга Энджел была востребована зарубежными исследователями, что подтверждает факт ее переизданий (в 1985 и в 2000 годах). Однако на русский язык монография до сих пор не переведена.

Научный путь Энджел любопытен тем, что, начав свою исследовательскую работу с анализа взаимоотношений между матерями и дочерьми в пореформенной России, она обратилась к направлению *women's study* и опубликовала в 2004 году работу по истории российских женщин, где проследила характер эволюции приватной и публичной сфер в жизни россиянок (Engel 2004).

Изначально русисты осторожно подходили к освещению проблемы материнства, затрагивая ее отдельные аспекты, ограничивая период исследований временными рамками, выбирая конкретный предмет изучения (мать и дитя, практики родовспоможений, эмоциональные переживания), характеризуя ту или иную сословную группу (социальные низы, привилегированные сословия и классы). В конце 1980-х годов вышла в свет монография профессора Хэмпширского колледжа Дж. Хаббс «Матушка Россия...», нацеленная на развенчание женских мифов в культуре России, начиная с «доисторических времен» и до современности (Hubbs 1988). В репрезентации материнства Хаббс широко использовала этнографический материал: русский фольклор – верования, песни, культы, ритуалы и даже предметы материальной культуры (крестьянский костюм, обереги). Однако историки не раз подчеркивали суще-

ственные недостатки в выборе источников и тенденциозность выводов. В частности, по словам Н. Л. Пушкаревой (2000: 22), автор «сверх-антифеминистично» подходит к характеристике тех или иных сторон семейных отношений в России. Кроме того, Хаббс не ставила задачу комплексно исследовать феномен материнства, ее работа в большей степени напоминает сборник литературных зарисовок, а не научный текст. Основная часть книги посвящена материнским культам внутри славянских племен и раннехристианского периода Руси (русалки, Баба-яга, образы Марии, Параскевы Пятницы). При этом выводы часто не подкреплены достаточным источниковым материалом. Например, в освещении материнства индустриальной и советской России автор основывалась исключительно на литературных источниках.

Материнская тема нашла частичное отражение в трудах Евы Левин, редактора журнала «Русское обозрение». Самую раннюю работу она посвятила жизни женщины средневекового Новгорода, уделив значительное внимание вопросам семейной организации (Levin 1983). Позже она существенно расширила временные рамки исследования, акцентируя внимание на сексуальной жизни русского населения допетровской эпохи (*Idem* 1995). С позиции историко-этнографического подхода Левин раскрыла бытовавшие практики и культы деторождения (значительное место уделено культу Параскевы). Левин впервые затронула запретные для традиционной отечественной науки темы, среди которых – существование в российском обществе инфантицида, сексуального насилия, инцеста в допетровской России, моногамность славян в дохристианский период (*Idem* 1986; 1995; см. также: Clements *et al.* 1991: 44–59). Описывая деторождение в допетровской России, она пришла к выводу о прочно сохранившихся языческих практиках (непременными защитниками роженицы были не столько иконы, сколько языческие амулеты, обереги и заговоры) (Clements *et al.* 1991: 44). Левин подчеркивала амбивалентное отношение общества к материнству, которое воспевалось как священная миссия женщины, но вместе с тем частые роды воспринимались как признак сексуальной активности супругов, а значит, свидетельствовали об их греховной жизни.

В 1990-е годы русисты обратили пристальное внимание на положение советских женщин в семье и обществе, что стало возможным благодаря свободной научно-исследовательской работе (в том числе в российских архивах и библиотеках), доступности «живых свидетелей эпохи», материалов «устной истории» (*oral history*) –

реальных свидетельств бывших советских женщин, повествующих об особенностях семейного быта. В частности, в 1990-е годы Р. Дэвид организовал «русское бюро», сотрудники которого проводили сбор «полевого материала» в Центральной России и Поволжье. Результатом их работы стали новые публикации о женщинах советской России. Характеризуя русистику 1990-х годов, следует отметить, что научный интерес был направлен на репрезентацию прежде всего гендерной истории. Проблема материнства рассматривалась в контексте трансформации гендерных ролей в семье и обществе, сексуальных отношений, матримониального и репродуктивного поведения, «женского вопроса», женского образования и трудовой деятельности (Waters 1992; Farnsworth, Viola 1992; Buckley 1997).

Э. Вуд в известной книге «Баба и товарищ...» концентрирует внимание на общественной, профессиональной и политической деятельности советских женщин, игнорируя их семейную повседневность (Wood 1997). Подобный ракурс представлен в работе Дж. МакДермид и А. Хиллиар, которые сравнивали советскую женщину в период революционных событий с «повивальной бабкой революции» (McDermid, Hillyar 1999). В. Гольдман (впоследствии профессор истории университета Карнеги-Меллон) проследила воплощение идей новой социалистической семьи на практике, основываясь преимущественно на трудах А. Коллонтай, опубликованных в первые два десятилетия послереволюционного периода (Goldman 1993). Ее монография «Женщина, государство и революция: Советская политика в отношении семьи и общественной жизни» на одной из книжных выставок Великобритании в 1993 году была признана лучшей исторической работой, написанной женщиной.

По мнению Гольдман, объявленная «сексуальная свобода», упадок традиционных семейных ценностей, появление «свободных союзов» между мужчиной и женщиной привели к тяжелейшим социальным последствиям: увеличению числа беспризорных детей, умножению случаев инфантицида и неконтролируемого роста аборт. Ссылаясь на «устные истории» советских женщин, она отмечала серьезный конфликт в жизни советской матери между вынужденной потребностью «трудиться» и исполнять материнские функции (*Ibid.*: 335). Античеловеческие условия труда превращали аборт в жизненно необходимую практику, от которой зависела выживаемость семьи и ее членов. Провал концепции «новой социали-

стической семьи» заставил большевиков кардинально пересмотреть политику в области половой морали и семейных взаимоотношений, что повлияло на принятие новых законов, связанных с охраной семейных союзов, материнства и детства. В дальнейшем В. Гольдман продолжила изучать гендерную историю России и опубликовала труд, раскрывающий особенности быта советской женщины (Goldman 2002). Ее книга была издана на русском языке (Гольдман 2010). Однако автор обходит стороной вопросы материнства, сосредоточиваясь на характере труда и производственных отношений советских женщин.

Вопрос эволюции материнского права в контексте брачно-семейных отношений затронул профессор университета Южного Миссисипи В. Вагнер в книге «Брак, собственность и закон в конце Императорской России» (Wagner 1994). Однако автор заострил внимание не столько на материнском правовом статусе, сколько на правах детей в патриархальных семьях.

Отдельные аспекты материнства становились чаще не самостоятельным предметом исследований, а «деталью» к женскому образу той или иной эпохи. Кроме того, русистика в последнее время сфокусировалась на изучении «советских женщин», советской сексуальной культуры, советской семьи и частично – на особенностях воспитания детей в колхозно-рабочих семьях. Это повлияло на методологию исследований – доминировали социологические и этнографические методы (устные интервью, полевые исследования, анкетирование), так как они давали богатый материал по заявленным темам.

Весьма ценным стал коллективный труд под редакцией профессора Колорадского университета Б. Клементс «Женщины России...» (Clements et al. 1991), в который вошли работы как выдающихся русистов (Д. Рэнсел, Л. Энгельштейн, Е. Левин, Э. Вотерс), так и отечественных историков-первопроходцев направления *Woman's Study* (Н. Л. Пушкарева). Рэнсел, опираясь на данные российских этнографов, рассмотрел родильные обряды в народной среде (Ibid.: 113–135). Профессор Принстонского университета Л. Энгельштейн обратила внимание на противоречивое отношение российского сообщества врачей и правоведов рубежа XIX–XX веков к легализации абортов. Впоследствии результаты ее работы были обобщены в книге, посвященной истории сексуальной культуры в России, – «Ключи счастья...» (Engelstein 1992). Американская исследовательница представила образ новых матерей в Рос-

сии, феминисток и нигилисток, отрицающих собственную материнскую роль и фертильность. Впервые она затронула вопрос о распространении среди горожан средств, ограничивающих деторождение, что, по ее мнению, стало следствием изменений в сексуальной жизни. Энгельштейн были недоступны многие архивные материалы, а потому в качестве источника она использовала произведения русской литературы рубежа XIX–XX веков, в том числе бульварную литературу, филигранно вплетая ее в свое повествование. Вполне вероятно, что характер исследования Энгельштейн повлиял на интерес русистов к литературным образам русских матерей (Andrew 1995; Kelly 1996).

Открытость российского общества привлекала зарубежных этнографов, историков, социологов и экономистов, которые стали активно изучать трансформацию репродуктивного поведения россиянок, формирование новых семейных отношений в условиях постсоветской России. В частности, М. Фонг представила исследование, во многом основанное на социологических опросах россиян и характеризующее репродуктивное поведение россиянок, их семейные роли, отношение к материнству, рождению детей и абортам. Она отметила ухудшение показателей женского репродуктивного здоровья, сдержанность россиянок в оценке материнских ролей, положительное отношение к абортам (Fong 1993). В 1990-е годы специфику репродуктивного поведения россиянок изучал профессор антропологии М. Ривкин-Фиш (университет Кентукки) (Rivkin-Fish 2005). Он пришел к выводу, что индивидуальные (персонифицированные) стратегии личного роста в жизни женщин превалировали над материнским инстинктом.

Бурный интерес русистов 1990-х годов к проблемам родительства и материнства советской и постсоветской России фактически отодвинул материнскую тему в иные эпохи российской истории. Исключением стали работы профессора Питтсбургского университета А. Линденмайер, специализирующейся на истории женской благотворительности. Она рассмотрела новые веяния в социальном законодательстве (преимущественно закон о социальном страховании 1912 года) по отношению к обеспечению прав матерей-работниц (Lindenmyer 1993), а в работах по истории социальной помощи в России затронула проблему организации и функционирования женских благотворительных обществ по поддержке материнства и младенчества (*Idem* 1980; 1990; 1996). Э. Вотерс, исследуя трансформацию института материнства в советской России,

пришла к выводу, что социалистический эксперимент по созданию системы социального обеспечения и охраны материнства и детства во многом заимствовал достижения практического и идейного характера начала XX века (Waters 2002: 277). Появление новых черт в институте материнства России с конца XIX века американская исследовательница назвала «модернизацией материнства».

Русистика 2000–2010-х годов также слабо представлена направлением *motherhood studies*. Исследовательский интерес по-прежнему концентрировался вокруг гендерной истории, истории семьи (Engel 2004; Hutton 2001; Rosslyn 2003; Rosslyn, Tosi 2007), истории детства. Наиболее известная работа данного периода – «Маленькие товарищи» (Kirschenbaum 2001; см. также: Kelly 2007).

В настоящее время русисты больше внимания уделяют изучению истории женщин в России, вплетая ее в общую европейскую историю женщин. Судя по последним публикациям, институт материнства в России потерял актуальность. В частности, новые оценки правового статуса русских дворянок дореформенной России представила М. Маррезе в монографии «Бабы царство...» (Marrese 2002). Основываясь на многочисленных архивных материалах (РГАДА, РГИА), автор затронула вопросы материнского права в России. Она обратила внимание на амбивалентное положение замужних дворянок (с одной стороны, бесправность, с другой – активное участие в правовых сделках), которые во многом превосходили по степени своей правоспособности замужних дам Западной Европы. В работе профессора Колорадского университета Б. Клементс, освещающей историю российских женщин с X до XXI века, акцент сделан на обобщении политической истории женщин (Clements 2012), в монографии М. Хаттон (несмотря на то, что на обложке книги изображена кормящая мать) речь идет о развитии образования женщин и их участии в политической борьбе, тогда как вопросы частной жизни не получили освещения (Hutton 2001). В книге Л. Абрамс, профессора университета Глазго, формирование европейской женщины Нового времени прослеживается с привлечением российского материала (Abrams 2002). Монография была переведена на русский язык (Абрамс 2011). Одна из глав посвящена вопросам частной жизни женщины (замужество, материнство, дом, семья, сексуальность). По мнению автора, для России были характерны общеевропейские тенденции (формирование культа «идеальной матери, превращение материнства из биологической в социальную обязанность женщины, усиление обществен-

ных и государственных институтов по охране материнства). Однако, на мой взгляд, автор нередко абсолютизирует выводы в отношении матерей Западной Европы и России.

Западноевропейские ученые активно включились в исследование темы материнства в русской литературе и культуре. В 2000 году в Берлине была проведена международная конференция «Русская культура и гендерные исследования» (Шоре, Хайдер 2003). Авторы докладов анализировали традиционный образ Матушки-Руси (Л. Эдмондсон, К. Эберт); проблему материнства в творчестве Л. Толстого, М. Цветаевой, женской прозе эпохи модерна (Э. Фогель, К. Бинсвангер, Э. Шорэ); символику материнства в искусстве сталинской эпохи (С. Рамм-Вебер).

Среди европейских исследований выделяется работа финки К. Эконен, которая, опираясь на многочисленные «женские тексты», переосмыслила образ женщин модернизма, «новых женщин» эпохи, ярких русских писательниц Серебряного века (в 2011 году монография была переведена на русский язык) (Эконен 2011). Основываясь на скрупулезном изучении *ego*-документов (дневников, писем, воспоминаний) известных россиянок (З. Гиппиус, Л. Зиновьевой-Аннибал, П. Соловьевой и др.), она пыталась определить место женщины-автора в символистской эстетике. Помимо центральной цели исследования Эконен затронула и вопросы частной жизни своих героинь, их отношение (зачастую негативное или нейтральное) к материнству.

Рост научной коммуникации между зарубежными и отечественными исследователями привел к появлению совместных проектов, подогревающих интерес отечественной науки к проблемам гендерной истории, материнства и отцовства. Под редакцией преподавателя Лондонской школы экономики С. Эшвин, специализирующейся на изучении повседневности советских работниц, в 2000 году был опубликован совместный труд ученых Великобритании и России. Материнская тема советской и постсоветской России была рассмотрена О. Исуповой (Ashwin 2012: 30–55). В 2012 году в свет вышел труд под редакцией английских историков В. Рослин и А. Тоси, отражающий различные аспекты участия россиянок в развитии отечественной культуры (Rosslyn, Tosi 2012). Однако материнская тема в этих научных статьях не получила отражения.

Исключительной по постановке проблемы оказалась статья М. Муравьевой, посвященная сексуальному и бытовому насилию

в русских семьях XIX века (Rosslyn, Tosi 2012: 209–238). По утверждению автора, несмотря на расширение женских прав и эмансипацию, степень насилия над сельскими женщинами на всем протяжении XIX века неуклонно увеличивалась. Однако рост числа судебных разбирательств (по инициативе женщин) по обвинению в насилии, по мнению исследовательницы, свидетельствует о растущем женском самосознании. Л. Денисова и И. Мишина (штат Массачусетс) опубликовали совместный труд о тяжелой повседневной жизни советских женщин (Denisova, Mukhina 2010). В 2014 году был издан сборник работ американских, западноевропейских и российских ученых, посвященный истории российских женщин. В центре внимания зарубежных исследователей оказались преимущественно вопросы политического характера. Материнской темы вскользь коснулась К. Эконен в статье, посвященной формированию новой женщины эпохи модернизма (Ekonen et al. 2014: 44–60).

Изучение публикаций последнего десятилетия в таких журналах, как «The Russian Review», «Slavic Review», «Aspasia», в которых представлен наибольший объем статей русистов, показывает, что исследователи продолжают обращаться к материнской теме в истории России. Однако они чаще концентрируют внимание на вопросах родительства, семьи, брака, детства, сексуальной культуры, оставляя в стороне феномен материнства (Dobson 2014; Conh 2009; Kaiser 2006; Neary 1999; LeBlanc 2011; Rivkin-Fish 2010; Muravyeva 2014). В связи с односторонним использованием источников нередко выводы русистов выглядят сомнительными. В частности, С. Смит-Петер, основываясь на литературе медико-педагогического характера, полагает, что в России в XIX веке среди матерей, как дворянок, так и крестьянок, было распространено «обучение материнству» своих дочерей и, как следствие, тесная эмоциональная связь между ними (Smith-Peter 2007). Однако источники личного происхождения свидетельствуют об обратном, к тому же в медицинской и педагогической литературе представлена желаемая (идеальная) картина взаимоотношений матери и ребенка, а не реальный формат отношений.

Некоторые статьи отражают уже давно раскрытые темы, к тому же их авторы нередко опираются на те же источники, что и русисты 1970–1980-х годов (законодательные акты советской власти), без привлечения новых архивных материалов (Randall 2011). На мой взгляд, гораздо более новаторскими выглядят исследования

историков детства. Весьма оригинальны работы доктора философии из Великобритании Э. Байфорда (Byford 2013). В статье 2013 года, опубликованной в «The Russian review», он проследил трансформацию материнства и отцовства с начала XX века вплоть до 1930-х годов. Новаторский подход автора обусловлен как выбранными рамками исследования, так и привлечением новых источников – «родительских дневников» («материнских дневников»). Российскими исследователями «родительские дневники», за редким исключением (В. А. Веремеенко), незаслуженно обойдены вниманием, несмотря на то, что в них содержится богатый материал о семейной жизни и воспитании детей. Байфорд считал, что с возникновением в пореформенной России научного знания об уходе за детьми основная функция «сознательных родителей» состояла в тесном сотрудничестве с другими специалистами – врачами, педагогами. В итоге родители теряли исключительное право на воспитание детей (Byford 2006; Байфорд 2013).

Резюмируя, повторим, что впервые проблему материнства в истории России, несмотря на скудность источников, начали изучать в 1970-е годы американские исследователи, причем их интерес к этой проблеме совпал с рождением *motherhood studies* в западной историографии. Основная заслуга в появлении и развитии *motherhood studies* в России принадлежала Д. Рэнселу, который до сих пор остается лидером данного направления. В 1970-е – начале 1980-х годов интерес русистов сосредоточивался на дореволюционном периоде. Именно в это время были опубликованы работы по истории российского материнства, ставшие классическими (Д. Рэнсел, Б. Энджел, Дж. Товров). В большинстве случаев зарубежные исследователи рассматривали материнскую тему сквозь призму гендерной истории, истории семьи, родительства, истории сексуальной культуры, истории детства. К ведущим научным центрам по изучению материнства в России относятся Индианский, Иллинойский и Принстонский университеты (США).

С 1990-х годов русисты благодаря возросшей доступности источников (полевых, «*oral history*») основное внимание уделяли изучению материнства в советской и постсоветской России. Зарубежные ученые проявляли больший интерес к матерям из народной среды (работницам, крестьянкам, колхозницам). Среди применяемых методов и подходов русисты активно использовали биографические, гендерно-чувствительные, этнографические и феминистские. Один из существенных недостатков исследований – характер

использованных источников. Исследователи досоветского периода крайне редко привлекали новые архивные материалы. Их работы были построены на изучении уже опубликованных источников, которые принадлежали известным общественно-политическим деятелям, чей опыт материнства представлял не типичную, а исключительную картину поведения россиянок, что приводило к схематизации и недостаточно обоснованному обобщению выводов.

Несмотря на большое количество работ, связанных с историей материнства в России, до сих пор не появилось исследования, которое бы уверенно «вписало» российских матерей в социальную историю. Если в исследованиях советского периода достигнуты определенные успехи, то история материнства в царской России освещается фрагментарно, избирательно. Мать с ее «материнскими практиками» нередко рассматривалась автономно, вне связи с социально-политическими и экономическими процессами. В лучшем случае прослеживалось влияние социокультурных факторов на матерей, но не наоборот. Все это привело к недооценке роли матерей в качестве активных участников исторического процесса.

Литература

Абрамс, Л. 2011. *Формирование европейской женщины новой эпохи: 1789–1918*. М.: ВШЭ.

Байфорд, Э. 2013. Родитель, учитель и врач: к истории их взаимоотношений в деле воспитания и образования в дореволюционной России. *Новые российские гуманитарные исследования*. URL: <http://www.nrgumis.ru>.

Вишневский, А. Г. (ред.) 1977. *Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР*. М.: Статистика.

Гольдман, В. 2010. *Женщина у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии*. М.: РОССПЭН.

Пушкарева, Н. Л.

1999. Материнство в новейших философских и социологических концепциях. *Этнографическое обозрение* 5: 47–59.

2000. Материнство как социально-исторический феномен (обзор зарубежных исследований по истории европейского материнства). *Женщина в российском обществе* 1: 9–24.

2001. Отечественные исследования по социологии, истории и этнологии материнства. *Этнографическое обозрение* 5: 91–101.

Стайтс, Р. 2004. *Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930*. М.: РОССПЭН.

Шоре, Э., Хайдер, К. (ред.) 2003. *Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования*: сб. ст. Вып. 3. М.: РГГУ.

Эконен, К. 2011. *Творец, субъект, женщина: стратегии женского письма в русском символизме*. М.: Новое литературное обозрение.

Энгельштейн, Л. 1996. *Ключи счастья. Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX–XX веков*. М.: ТЕПРА.

Abrams, L. 2002. *The Making of Modern Woman: Europe 1789–1918*. London: Longma

Andrew, J. 1995. Mothers and Daughters in Russian Literature of the First Half of the Nineteenth Century. *Slavonic and East European Review* 73(1): 37–60.

Ashwin, S. 2012. *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia*. London: Routledge.

Atkinson, D. (ed.) 1977. *Women in Russia*. Stanford University Press.

Buckley, M. 1997. *Post-Soviet Women: from the Baltic to Central Asia*. Cambridge: Cambridge University Press.

Byford, A.

2006. Professional Cross-Dressing: Doctors in Education in Late Imperial Russia (1881–1917). *Russian Review* 65: 586–616.

2013. Parent Diaries and the Child Study Movement in Late Imperial and Early Soviet Russia. *The Russian review* 72(2): 212–241.

Clements, B. 2012. *A History of Women in Russia*. Bloomington: Indiana Univ. Press.

Clements, B. et al. (ed.) 1991. *Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation*. Berkley, CA: University of California Press.

Conh, E. D. 2009. Sex and the Married Communist: Family Troubles, Marital Infidelity, and Party Discipline in the Postwar USSR, 1945–64. *The Russian Review* 68(3): 429–450.

Denisova, L., Mukhina, I. 2010. *Rural Women in the Soviet Union and Post-Soviet Russia*. New York: Routledge.

Dobson, M. 2014. Child Sacrifice in the Soviet Press: Sensationalism and the “Sectarian” in the Post-Stalin Era. *The Russian Review* 73(2): 237–259.

Ekonen, K. et al. (ed.) 2014. *Woman and Transformation in Russia*. New York: Routledge.

Engel, B. A.

1983. *Mothers and Daughters. Women of the Intelligentsia in Nineteenth Century Russia*. Cambridge: Cambridge Press.

2004. *Women in Russia, 1700–2000*. Cambridge: Cambridge University Press.

Engelstein, L. 1992. *The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-siècle Russia*. London: Cornell University Press.

Evans, J. 1981. The Communist Party of the Soviet Union and the Woman's Question: The Case of 1936 Decree "In Defence of Mother and Child". *Journal of Contemporary History* 16: 757–775.

Farnsworth, B., Viola, L. 1992. *Russian Peasant Women*. Oxford: Oxford University Press.

Field, A. W. 1932. *Protection of Women and Children in Soviet Russia*. New York: E. P. Dutton.

Fong, M. S. 1993. *The Role of Women in Rebuilding the Russian Economy*. Washington: The World Bank.

Glickman, R. 1984. *Russian Factory Women: Workplace and Society, 1880–1914*. Berkeley, London: University of California Press.

Goldman, W.
1993. *Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

2002. *Women at the Gates: Gender and Industry in Stalin's Russia*. Cambridge: Cambridge University Press.

Halle, F. W., Green, M. M. 1933. *Woman in Soviet Russia*. London: Routledge.

Hellie, R. 1980. The Family in Imperial Russia: New Lines of Historical Research by David L. Ransel. *The Journal of Modern History* 52(3): 565–568.

Hubbs, J. 1988. *Mother Russia: The Feminine Myth in Russian Culture*. Bloomington: Indiana University Press.

Hutton, M. J. 2001. *Russian and West European Women, 1860–1939: dreams, struggles and nightmares*. New York.: Rowman & Littlefield Publishers.

Kaiser, D. H. 2006. Church Control over Marriage in Seventeenth-Century Russia. *The Russian Review* 65(4): 567–585.

Kelly, C.
1996. Educating Tatiana: Manners, Motherhood and Moral Education (vospitanie) 1760–1840. *Papers, presented to the Conference "Gender and Perceptions of Sexual Difference in Russian Culture and History"*. Birmingham. July 5: 26–52.

2007. *Children's World: Growing up in Russia, 1890–1991*. New Haven: Yale University Press.

Kirschenbaum, L.A. 2001. *Small Comrades: Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917–1932*. New York: Routledge.

LeBlanc, R. D. 2011. No More Horsing Around: Sex, Love, and Motherhood in Tolstoi's Kholstomer. *Slavic Review* 70(3): 545–569.

Levin, E.

1983. *The role and status of women in medieval Novgorod*. Bloomington: Indiana University Press.

1986. Infanticide in Pre-Petrine Russia. *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas* 34(2): 215–224.

1995. *Sex and Society in the World of the Orthodox Slavs, 900–1700*. Ithaca: Cornell University Press.

Lindenmyer, A.

1980. *Public Poor Relief and Private Charity in Late Imperial Russia*. Princeton: Princeton University Press.

1990. *Voluntary Associations and the Russian Autocracy: The Case of Private Charity*. Pittsburgh: Pittsburgh Center for Russian and East European Studies.

1993. Maternalism and Child Welfare in Late Imperial Russia. *Journal of Women's History* 5(2): 114–125.

1996. *Poverty is not a Vice: Charity, Society, and the State in Imperial Russia*. Princeton: Princeton University Press.

Marrese, M. 2002. *Woman's Kingdom: Noblewomen and the Control of Property in Russia, 1700–1861*. New York: Cornell University Press.

Marsh, R. 1996. *Woman in Russia and Ukraine*. Cambridge: The Cambridge Univ. Press.

Matthews, T. 1949. *Russian Child and Russian Wife*. London: V. Gollancz.

McDermid, J., Hillyar, A. 1999. *Midwives of the Revolution. Female, Bolsheviks and Woman Workers in 1917*. London: UCL Press.

Muravyeva, M. 2014. Bytovukha: Family Violence in Soviet Russia. *Aspasia* 8: 90–124.

Neary, R. B. 1999. Mothering Socialist Society: The Wife-Activists' Movement and the Soviet Culture of Daily Life, 1934–41. *The Russian Review* 58(3): 396–412.

Randall, A. E. 2011. “Abortion Will Deprive You of Happiness!”: Soviet Reproductive Politics in the Post-Stalin Era. *Journal of Women's History* 23(3): 13–38.

Ransel, D. (ed.) 1978. *The Family in Imperial Russia: New Lines of Historical Research*. Urbana: University of Illinois Press.

Ransel, D. L.

1988. *Mothers of Misery. Child Abandonment in Russia*. Princeton: Princeton University Press.

1990. *Mothering, Medicine, and Infant Mortality in Russia: Some Comparisons*. Berkeley: The Woodrow Wilson Center, Kennan Institute for Advanced Russian Studies.

1993. *Village Life in Late Tsarist Russia*. Bloomington: Indiana University Press.

2000. *Village Mothers: Three Generations of Change in Russia and Tataria*. Bloomington: Indiana University Press.

Rivkin-Fish, M. R.

2005. *Women's Health in Post-Soviet Russia*. Bloomington: Indiana University Press.

2010. Pronatalism, Gender Politics, and the Renewal of Family Support in Russia: Toward a Feminist Anthropology of "Maternity Capital". *Slavic Review* 69(3): 701–725.

Rosslyn, W. 2003. *Women and Gender in 18th-century Russia*. Charlottesville: Ashgate.

Rosslyn, W. et al. (ed.) 2012. *Women in Nineteenth-century Russia: Lives and Culture*. Cambridge: Open Book Publishers.

Rosslyn, W., Tosi, A. 2007. *Women in Russian culture and society, 1700–1825*. Houndmills: Palgrave Macmillan.

Smith-Peter, S. 2007. Educating Peasant Girls for Motherhood: Religion and Primary Education in Mid-Nineteenth Century Russia. *The Russian Review* 66(3): 391–405.

Stites, R. 1978. *The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism, 1860–1930*. Princeton: Princeton University Press.

Tovrov, J. 1987. *The Russian Noble Family: Structure and Change*. New York; London: Garland Pub.

Wagner, W. 1994. *Marriage, Property, and Law in Late Imperial Russia*. Oxford: Clarendon Press.

Waters, E.

1985. *From the Old Family to the New: Work, Marriage and Motherhood in Urban Soviet Russia, 1917–1931*. PhD. Diss. University of Birmingham.

1992. The Modernization of Russian Motherhood, 1917–1937. *Soviet Studies* 44(1): 123–135.

2002. *The Modernization of Russian Motherhood, 1917–1937*. *The European Woman's history reader*. New York: Routledge, pp. 277–289.

Wood, E. A. 1997. *The Baba and the Comrade*. Bloomington: Indiana University Press.